

Большой всероссийский фестиваль детского и юношеского творчества

Номинация: «Литературное творчество»

Возрастная категория: 13 - 17 лет

ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

Работу выполнила:

Петрова Валерия Денисовна,

13.09.2008 г.р., учащаяся 11 класса

муниципального бюджетного

общеобразовательного учреждения

г. Керчи РК «Школа-гимназия № 1 имени Героя

Советского Союза Е.И.Дёминой».

Учащаяся творческого объединения

«Журналистика и литературное творчество»

муниципального бюджетного

учреждения дополнительного

образования города Керчи РК

«Центр детского и юношеского творчества»

Руководитель:

Притула Ирина Викторовна,

зам. директора по УВР,

педагог дополнительного образования

творческого объединения

«Журналистика и литературное творчество»

МБУДО города Керчи РК

«Центр детского и юношеского творчества»

Телефон: 5-46-48

БЕЗ МЕЧТЫ

Прожить без мечты? Да, пожалуй, мечты-то у меня никогда и не было. Зато была цель. Цель ударить первой, чтобы не ударили тебя. Цель не захлебнуться кровью от очередного удара. И цель бить и бить до последнего...

Ноги уже подкашивались, я стояла на них с трудом, лицо заплыло, нос был разбит, а кровь на лице и на руках закрывала обзор. Но все это не мешало, а лишь раззадоривало, вкидывало новую дозу адреналина в кровь, так, чтобы в ушах шумело, а стук сердца разносился по всему телу ударными волнами. Руки не хотят подниматься, отказываясь, ноют и трясутся, как у самого проклятого пьяницы, но я бью. Бью сильнее, с большей силой и остервенением, я хочу показать, я хочу доказать: я не слабая! Я могу! Я ничем не хуже вас! Посмотри! Посмотри на меня, папа! Но он не смотрит, стоит где-то в самом дальнем углу зала, с кем-то общаясь, но не смотрит, увидев это, почувствовала, что сердце в груди тут же рухнуло в пятки, гул в ушах затих и, казалось, исчезли все звуки. Была я на ринге, что зубами вырывала победу, и был он, стоявший в самом дальнем углу, даже не обращавший на меня внимания, пришедший будто из одолжения, просто потому что надо. Сердце замедляет свой стук. Я смотрю только на него. В голову прилетает удар. Следующий под дых. Я падаю.

Секунда.

Одна.

Две.

Три.

Судья объявляет победу.

А я так и лежу на ринге оглушенная, но не ударом, а его равнодушием. Оборачиваюсь, полуживой взгляд - в зал. Теперь он смотрит. Смотрит, гаденько улыбаясь, после чего выражение его лица сменяется на разочарованное. Все было зря.

Теперь я без него.

Теперь я без цели.

Без жизни.

Без мечты.

Я НЕ ЗАПЛАЧУ

Я не заплачу, никогда и ни за что. Все те, кто говорят, что слезы - это неотъемлемая часть любой девочки, просто не видели настоящих женщин, сильных, способных горы свернуть.

Аттестация - одно из самых важных мероприятий, и я готова, как никогда. Удары сильные и точные, руки выламывают сильнее, чем обычно, но и я не сдаюсь, чувствую острое жжение в предплечьях, но времени на осмотр собственного тела нет. Возможно, травма, возможно, растяжение, времени на разбирательства нет. Я - нападаю, он - уворачивается, пытаюсь рукой нанести удар: "Жалкая деревяшка", - проносится в мыслях. Мне не повезло с партнёром, а в боксе партнёр - основа твоего успеха, мне попался «деревянный» мальчик, шепчущий себе под нос какую-то ересь, которую разобрать невозможно, на полторы головы выше меня и просто с деревянными конечностями. Борьба - это танец, каждое твое движение должно быть плавным, но при этом – ядовитым, как укус змеи. А этот, не боксер, а сплошное позорище. Мне было весело какое-то время от его «деревянности» и странности, этот шепоток под нос уже начинал напрягать. Правда веселье продлилось недолго, пока меня этими самыми деревянно-околевшими руками не повалили лицом в пол, да с такой силой, что я едва не разбила себе нос, чудом успев среагировать и повернуть голову в сторону, но, видимо, прогадала, шея звонко хрустнула, вместе с пальцами на ногах, резкая боль.

"Вот тварь," - вновь пронеслось в моей голове, я дернулась, попытавшись встать, но не вышло, прижав меня коленом к полу, он начал заламывать руки, да с такой силой, что я прослезилась. Позор, позорище, хотелось утереть слезы, но руки были уже не в моей власти. Руку выламывали все сильнее, казалось, ещё чуть-чуть - и хрупкая кость треснет, сопровождая адской болью, я наконец-то смогла разобрать его шепоток, противник бурчал себе под нос: "Я не слабак, я не сдамся, я не слабак, я не сдамся". Я обернулась, глаза налиты ненавистью, а мою несчастную руку выкручивают с такой силой, что ещё чуть-чуть и кость реально треснет. Слезы боли текут по щекам, меня отпускают, и все начинается сначала. Замах, нападение, удар, боль, я на полу, кости трещат, а я летаю по залу как грелка от тузика, кто бы мог подумать, что такая хилая деревяшка может быть настолько сильной, видимо, я недооценила его. Слезы уже градом льются по щекам, мои друзья, сидевшие напротив места схватки и наблюдавшие за всем этим, понимают, что что-то не так, мое лицо красное и заплаканное, искаженное гримасой боли, а я, к своему великому стыду, больше не могу терпеть и лишь тихо и жалобно шепчу этому сумасшедшему женоненавистнику мольбы и просьбы действовать слабее.

За происходящим наблюдает его отец, которого я замечаю только сейчас, пазл в голове складывается, так вот оно что, но не успеваю сказать и слова, меня силком ставят на ноги, вновь и вновь нанося удары, грудь сперло, воздуха не хватает, я открываю и закрываю рот, подобно рыбе, пытаюсь ухватить хоть немного кислорода, ему все равно, он бьёт лишь с большим остервенением. Эту картину замечают тренеры, но, не успевая что-либо сказать и даже подойти к нам, они останавливаются, как вкопанные. Я получаю удар по скуле, в глазах резко темнеет, свет выключается, я падаю замертво.

Нет, я не заплачу, я не заплачу, а в голове - пустота, которая кажется мне раем после адской боли.

В ДУШУ ПРОСИТСЯ ВЕСНА

Скребёт и воеет холод лютой.

Он душу высосать готов.

Ведь в ту пору

Той вьюги злостной,

Что бьётся за окном в агонии,

Сжигая в хлам последние мосты,

Скребёт не только за окном,

Скребёт на сердце:

В душу воеет,

Кричит пронзительно и оголтело,

И руки тянутся к петле,

Но знаю я -

Зимы утихнет вьюга,

И зацветёт сирень кустами пьяного дурмана,

Просачиваясь сквозь стекло,

Она напоит нас вином багряным,

Произведя на свет потомства своего благие ветви.

Тогда не холод на душе,

Он впредь не властен надо мною.

Он - череда забытых дней.

Он тот скелет, что тайной темной хранится за семью дверьми.

И в душу просится весна,

И сердце тянется любить,

И дышится все легче,

Но вместе с тем трудней.

Ведь за порогом сей дурманящей поры

Придет на сердце буря,

И ожидать любовь нас будет или худо...

Тут каждый волен сам решать,

Но в душу просится весна,

Срывая цепи и оковы,

Она заходит не спеша,

Маня и привлекая под громогласные отводы заплывшей оттепели дней...

И сердце бьётся чуть быстрее.

КРАСОТА ТВОЕЙ ЖЕСТОКОСТИ

И я становлюсь холодным,
Не страждущим ни света, ни тьмы.
Мои руки исколоты насквозь,
Но этим не заполнить пустоту внутри.
Мои вены пускают слюни
От твоей неземной красоты.
И приду я к тебе израненный,
Но знаю, не простишь меня ты.
Я не видел таких тиранов,
Как те, что сидят у меня внутри.
И бегу я вниз по осколкам
Чужих искалеченных душ,
Лишь твоя душа мне приглянулась
Среди разжиревших туш.
Не бывает в жизни иначе,
Лишь выстрадать можно любовь,
А твоя опошленная нежность
Добавляет возбуждения в кровь.

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ СРЕДНИЙ КЛАСС

Накрывала меня Аллония божья,

Я любил так страстно и нежно.

Душу мою рвало, когда она уходила,

А на лице моем слезы висли.

Я болтал о любви, а она болтала ногами,

Я бежал по тротуару, она - по дорогам.

И играл я на акустической гитаре,

А она вновь и вновь болтала ногами.

Ноги ее, словно мосты в Петербурге,

Раздвигались с завидной частотой,

Но для нее я был не более,

Чем мимоходом брошенное "Отстой".

Она сама по себе невесома,

Она легче, чем мои мысли,

А на груди у меня от ее лёгкости

Невысказанным грузом слова любви повисли.

Походочка ее пьяненькая сводила с ума любого бомжа,

И в лужи падала она часто,

Что не сказать про такого, как я.

Вечно выглаженный и одетый с иголочки,

Она бы презрительно бросила "Чистоплюй",

Ну а я от одного ее взора тут же бросался в грязь с головой.

Я бы все ей отдал -

И квартиру в Москве,

И всю свою нежность,

Жаль, что шаг ее неразборчивый, растоптал мою надежду.

МИНУС НА МИНУС

Ты - бешеный и непонятный,
Такой холодный и чужой,
Но твой звон голоса проклятый
И по сей день бежит за мной.
Я - легкомысленная дура,
Что улыбается прохожим,
Смеётся даже с мелочей,
Разбрасывая деньги, не считая
Мосты нелепых сожалений,
Я убегаю вдаль босая,
А ты снимаешь скальп кастетом.
Ты - грубый вероломный гунн,
Что по душе моей протопчется небрежно,
Но даже через сто долгих разлук
Я прошепчу тебе так нежно
Слова любви, что говорю так часто,
Которые и смысла не имеют.
Просто даты, просто числа,
И люди - дни в календаре,
И лишь звон голоса проклятый
И по сей день в моей душе.

МОЁ РЫЖЕЕ БЕЗУМИЕ

Ещё один день. Перед глазами статичная белая пелена, похожая на шум и застилающая глаза. Так он просыпался каждое утро в психиатрической больнице. Но сейчас он выбрался. Сейчас он видит не бесконечно угнетающий белый цвет, который так и стремится выжечь глаза своей пронзительной чистотой, а после, как бывалая блудница, прозябает в стороне от его изрядно измученного телесными жидкостями матраса. Сейчас он просыпается в роскошной зелени шелкового постельного белья, что щекочет пальцы ног и холодком льнет к телу. Пальцы его уже по привычке путаются в огненно-рыжих локонах, ставших до безумия родными, они щекочат нос, подталкивая чихнуть или сощуриться. Теплота женского тела рядом успокаивает. Она вся нежная, вся прекрасная, одно сплошное богинеподобное создание, что ласково жметя к нему по ночам в попытках уснуть и находит успокоение только в его объятиях. Оглядывая её, он не может не восхищаться ласковой небрежностью и плавностью изгибов тела. Прижимая девушку к себе, он успокаивается, страшный белесый свет перед глазами исчезает, унося с собой обрывки его минувших дней и заменяет их на настоящее, пестрящее теплотой ее улыбки и дурманящим запахом вишни, который всем остальным кажется до безумия приторным, а ему - наоборот. Он так приятно заполняет лёгкие мужчины, давя его внутреннюю горечь своей сладостью, от которой сводит скулы, но остановиться и не вдыхать его невозможно. С ней забываются и реки бордовой крови так упрямо вставшие перед глазами. Он касается ее волос аккуратно, так бережно, будто они сделаны из хрусталя, и от его прикосновения каждая волосинка может лопнуть. Он так боится, что, прикоснувшись, навсегда заклеит ее черным пятном своей любви, подмяв под себя и окончательно сломав, потому и касается с назидательной целомудренностью, пытаясь вместить в это касание не только свою любовь, но и все свои страхи и мольбы.

Так не хочется вставать с кровати. Лениость, сковавшая его тело в этот миг, приходила только рядом с ней, только с ней он чувствовал себя в безопасности, а его обезумевшие, вечно мечущиеся из стороны в сторону жёлтые ястребиные глаза успокаивались, сливаясь с чистой синевою ее взора. Он спокоен. Тело и душу его наполняет умиротворение, а теплота, которую она излучает даже просто засыпая на его груди, окутывает тело коконом любви, пока за окном дождливый серый Питер проливает собственные слезы потоками ливня на неудачливых прохожих, однако даже он сейчас такой родной. С его башнями, колоколами и бесконечными проспектами, мосты в его жизни сошлись навсегда, и он не позволит их развести кому бы то ни было.

ТЕМНОТА МОИХ КОШМАРОВ

Вдоль темных улиц, в суете бессонной,

Едва касаясь пальцами земли,

Шагали страхи черным эшелонем,

И к каждому стучались, чтоб войти.

Охватывает мгла меня ночная,

Она, как страха колыбель,

Взрастила нового джедая,

Пугая всех вокруг теперь.

Она душила и скреблась,

Всю душу в клочья разрывала,

Она, как ястреб подземелья,

Все внутренности изнутри сжирала.

Кралась и оседала черным пеплом,

На ладонях и на глазах.

И кровь, как ледяная, стыла в жилах,

А не текла по венам, словно рябь.

Нет, он придет, настигнет, он сожрёт.

Укроет в теплой колыбели,

Сжигая каждый из счастливых снов,

Он - безалаберная сволочь,

Что может лишь в тиши глухой,

Царапать душу, словно кошки,

Извечно воюющие под луной.

Он так царапает упрямо,
Ладони бледные в крови,
Иголки под ногтями всех пугают,
Теперь он - гордый властелин,
А я лишь жалкая марионетка,
Что исполняю сей приказ.
Вот только у меня в груди
Лишь горстка пепла,
Которую когда-то сердцем называл.

ТЫ ЛАСКОВА

Ты - ласкова и невесома,

Как дуновение ветра в душе таящаяся небрежной,

Ты - словно пластырь на раздробленную кость.

Кости не легче,

Но душе спокойно.

И звёзды проплывают мимо,

Гонимые безудержной толпой небес,

Но ты одна.

И ты - картина!

Что замерла среди полотна небес.

Ты есть везде, но ощущение твое неуловимо,

Ты, как ослабленная резко от натяжения струна.

Не бойся роскоши,

Не бойся ухищрения,

Бойся потерять себя.

Твой голос -

Темный лес, замшелый коридор,

Он разливается в ушах так нежно, что я могу сорваться на внезапный стон.

Бывает в жизни примиренье,

И ты - смирение души моей,

Останься красотой тех мгновений,

Что вечностью застынут на стене.

Пожалуйста, хорошая, будь лаской,

Люби и постигай души мой край,

Прошу тебя, пожалуйста, не надо,

Повесь на рот тяжёлый мне замок,

Но никогда не останавливайся плавно,

Будь резкой, как дверной звонок.

Я знаю, ты так не умеешь,

Я знаю, что не рождена для грубости была,

Но в сей прозрачности картинной

Молю!

Не потеряй себя!

ТЫ - МОЙ БОГ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?

Замер вдох в груди послушной.

Больше не хочу вас знать!

Год за годом я упорно

Все отказывалась понимать,

Это платье, сшитое на вырост,

И платок нелепый на голове,

Все ведь это лишь сомненья,

Это, как бежать от мыслей в голове!

Все так тяжело.

Непонятно.

Легче ведь глаза закрыть,

Сделать вид, что так и надо,

А за спиной проходит жизнь.

Все влюбляются и пляшут.

На коленях я стою.

Все улыбочиво друг другу машут.

Головы поднять боюсь.

Что же это за спасенье?

Что за благодетель лжи?

Где обещанное облегченье?

Где любви прекрасные пары?

Все греховно!

Все не так!

Все обманчиво и лживо!
В этом нет ни счастья, ни любви!
Нет радости прощенья...
Нет и чистой доброты,
Что даётся в укоренье...
Для чего же я жила?
Где души моей прекрасной ноты?
Лишь послушный вдох в груди
Обрывается на вздохи.
Я, как первый падший ангел,
Все бродила в темноте.
Я искала одобренья,
Находила лишь уставшие черты.
Я ходила, как умалишенная,
Билась за закрытыми дверьми,
Но нашлось во мне и утешенье.
Он пришел, как добродетель лжи.
Так окутал сладкими речами,
Посмотрел в глаза игриво,
И я, словно заколдованная,
Начинала двигаться учтиво,
Я улыбочиво махала,
И глядела я украдкой,
Сердце из груди моей так выскакивало лихо,

В нем нашла я утешенье,
В нем нашла я доброту,
В нем нашла и дозволение для греха распутницы.
Он все это видел.
Все он это знал.
И ему было приятно,
Как чеширский кот,
Улыбался он лукаво,
И с оскалом лез он на рожон,
Ну а я лишь улыбалась сладко,
Погружаясь в сей пьянящий сон,
В этом сладостном мученье,
В этих муках красоты,
Но и в этом счастье было.
В воздухе, свободном от мольбы.
Запах ладана развеял
Запах гари и вины,
А иконы тех столетий
Стали вовсе не нужны.
Все они, как сумрак ночи,
Перестали для меня существовать,
Стали богохульством мне не нужным,
Стали мне противны те мольбы.
Больше не ударюсь лбом я об пол!

Больше я не буду вас просить!

Я теперь живу на воле!

Я теперь живу в объятьях лжи!

Некогда мне не были приятны

Те точеные черты.

Нос прямой и подбородок острый,

Теперь же

Только в этом

Упоение любви...

Я вырвалась!

И я свободна!

Пусть окутана сетями лжи....

ХОЛОД

Сводит зубы дрожью.

Холод проклятый,

Повсюду талый снег,

Липнет к сердцу и к душе.

Все деревья,

Точно мертвецы,

Которые застыли в полумгле.

Снег и холод.

Лёд и пламень.

Вот они сошлись в вековой борьбе

И окутали в сем танце смертоносном

Хлопья снега, что застыли на фате.

Море, как забытая невеста,

Скитается без крова и жилья,

Только волнами своими стройно

Разбивается о проходящие суда.